

Ночные тени в Городе

"Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время"

Осип Мандельштам

Это Хромой Бес из плутовского романа Луиса Велеса де Гевара показывает лиценциату дону Клеофасу, начинающему влюбленному и вечному студенту, ночную жизнь Мадрида. Время — час ночи и конец июля где-нибудь в 1640 году. Бес для этого разом приподнял все мадридские крыши. Смотрят они на город с его самой высокой точки, с колокольни храма Святого Спасителя. У нас теперь есть такая же высокая точка, чтобы подсмотреть ночную жизнь горожан, — это крест колокольни Спасо-Преображенского собора. И названия храмов, в принципе, одинаковы. У нашего более удобен крест, на нем есть косая дополнительная перекладина, и на ней можно удобно сидеть. И под крестом есть удобная площадка. Вот на ней расположившись, можно присесть на позолоченный шар в основании креста, закурить и спокойно наблюдать Город.

Интересен черт, сидящий верхом на кресте?! наших православных крестов черти, судя по отзывам очевидцев, боятся как огня. Вот и Гоголь писал. Разве что ночью... Либо сила в православии, а не в созерцательности католицизма. Хромой Бес здесь похож на наших городских котов. Булгаковский кот был в равной мере мастер на такие проделки с людьми. Может быть, это тот же самый?

Как позже выяснилось, этот Бес притворялся хромым, на самом же деле бегал он, при необходимости, достаточно резво, отбросив костыли. И вообще, он таскал их с собой неизвестно с какой целью, поскольку чаще летал, чем ходил по земле. Как у Михаила Булгакова, где кот, тоже неизвестно зачем, всюду таскал с собой примус. Рисунок же этот, что в Мадриде, что в нашем Городе, будет точно таким же, даже и домов у нас в центре таких старых и двухэтажных великое множество. Не говоря уже о заня-

тиях обитателей. Точно такие же у нас эти занятия, как нарисовано здесь и описано в книге Велеса.

Странно, прошло 360 лет, но все так похоже...

С колокольного креста видно, как черна Ночь и что рисуется она белым и серым цветом. Серое в ней — это вездесущие коты и тени.

Следует помнить, что оборотная сторона Солнца — тьма, а у Луны — кровь. Это сказал апостол Петр. По этой причине тени бывают дневные и ночные и ведут себя по-разному. Эта двойственность соответствует нашей природе, что заметил и описал Роберт Луис Стивенсон в истории о докторе Джекиле и мистере Хайде. Ведь мы совсем разные днем, при свете Солнца, и ночью, когда нас отражает Луна. Так и наша тень, она рабыня тела в солнечный полдень и властвует в лунную ночь (а в безлунную остается жить только тень!). Солнечная тень случайна и преходяща. Она танцующий клоун. Ночная загадочна. Она вроде бы наша тень, но и чья-то еще, одновременно... Ночь хранит наши тени и тени наших дел даже тогда, когда мы исчезаем. Как облако, как жидкий воздух, но тень материальна, и природы этой материи мы не знаем.

Я вообще убежден, что мы что-то напутали, что основное время нашей правильной жизни — ночное время.

По этой причине ночью можно увидеть ушедших людей и Город, которого уже нет.

С креста Спасо-Преображенского собора видно, как тень колокольни легла вдоль Греческой улицы и ее крест пришелся на середину Строгановского моста. За перекрестком Екатерининской к колокольне склонился вычурный квадрат тени магазина братьев Петрокино... В лунном свете виден отсюда каждый отдельный бульжник дорожной вымостки, в солнечном свете это невозможно с такого расстояния разглядеть...

Вдоль Ришельевской пролегли на мостовой тени утрат. Странно, я не замечал раньше, но сталинские дома совсем не отбрасывают тени. По этой причине там видны тени только когда-то стоявших старых домов. И только на углу Екатерининской и Еврейской лег квадрат чистого лунного света — то, что там стоит сейчас, не имеет тени, но и то, что стояло, ее утратило навсегда. Там можно будет что-нибудь построить, расчистив место...

Ночная конка тихо едет вдоль Преображенской. Виден только передний фонарь, качающийся в такт шагу печальных лошадей, мечтающих о ночлеге. Цок-цок-цок... Это звук проезжающей улицами Города вечности. Пока едет этот вагончик времени, он собирает старое и отжившее и привозит и раздает новую жизнь... в каждый дом Города. Вот умолк звук

и перестал качаться в ночи фонарь — там что-то происходит или происходило когда-то...

Сколько всего было здесь за прошедшее столетие!

Вот в этой квартире на углу Садовой и Соборной, в третьем, самом верхнем этаже и прямо на развороте угла человек ждал ареста весь 1937 и часть 1938 года. Каждую ночь, засыпая, он надеялся, что минует, каждое утро с 4:00 он просыпался и слушал шаги на лестничной площадке... мимо ли... И только в 5:00 он успокаивался — пронесло! Еще не на этот раз, не сегодня!

"А между тем, гнусава и рыча,
Шли в ночь закрытые автомобили
И дворников будили по ночам.
Давил на кнопку, не стесняясь, палец,
И вдруг по нервам прыгала волна...
Звонок урчал... И дети просыпались,
И вскрикивали женщины со сна.
А город спал..."

Наум Коржавин. 1944

И потом человек весь день хранил беззаботность вида и поступков, с ужасом думая о приближающейся ночи. Здесь остался жить запах страха, в нем ужас смерти и болезненная надежда о продлении жизни...

"Квартира тиха, как бумага,
Пустая, без всяких затей,
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать..."

Осип Мандельштам

Я часто вечерами огибаю этот угол Садовой. И что-то всегда задевает мое сердце и, перейдя на другую сторону улицы, я долго стою, глядя на эти окна, на парадное, которым в то ранее утро, в час между волком и собакой, как крысы, бесшумными серыми теньями один за другим прошмыгнули НКВДисты, и вижу, как вышел на улицу, к машине с надписью "ХЛЕБ", схваченный инквизицией человек... как в последний раз пытался разглядеть он в пустоте уличного пространства другого человека, чтобы попроситься хоть взглядом, но вокруг были только очерившиеся серые деловые крысы... как тронулась эта машина с места, натужно и сыто урча мотором, звук которого никто не услышал (так научились в те годы не слышать люди). И потом иду я вдоль этого дома, смотрю на ночные ярко освещенные высокие окна и вижу ту страшную ночь, когда были они темны, когда утаив дыхание пытались ничего не увидеть и не услышать люди. Так они тогда жили, все, и мои папа и мама, в моем Городе, по формуле:

"Ничего не вижу,
ничего не слышу,
ничего никому не скажу..."

Скажешь, скажешь, все рассказывали... обо всех, о себе... надеясь и моля Бога, чтобы мы, их дети, выжили...

А здесь, в старом доме на Херсонской, долго болел человек, еще молодым и полным жизненных планов... Он был мне другом, еще от студенческих лет. Он отнесся к своему недомоганию, как всегда привык относиться, что пройдет и образуется, а боль все не отпускала, и, снисходительно улыбаясь приставаниям жены, он пошел, наконец, к врачу, и врач этот его тоже обнадежил, но как-то странно, советуя все же, на всякий случай, пройти еще это и это обследования. Он долго и послушно все это выполнял. Пока как-то вечером, выйдя на прогулку, на свежий и такой полезный ему воздух, приняв непременно полезную микстуру, он на углу улицы внезапно снова ощутил отпустившую было с час назад боль и сразу понял — все, это все! Постепенно он проникался ужасом, что планы миновали, что это сделать... и то завершить... уже никогда, никогда, Боже мой, никогда не удастся! И постепенно приходила ясность, что все эти планы были просто способом занять чем-то и как-то заполнить время жизни, самообманом, но что единственная ценность жизни только в самой жизни, только в возможности жить и видеть, и говорить, и улыбаться, и ходить своими ногами, и чувствовать запах весенней зелени и осеннего быстрого

дождя с растворенной в нем пылью, и хруст первого чистого снега под упругой и быстрой ногой. Он знал и не верил себе, что умирает. Не верил родственникам и жене, что все наладится. Верил только глазам своего пса, крупного и глупого эрдельтерьера, потому что в этих глазах были слезы. И он прижимался к нему лицом под утро, когда уходила, как вода сквозь сжатые пальцы, надежда и приходила ослепительная и четкая ясность — горько жалуясь, без слов...

Где-то в Городе спит этот пес, глаза у него открыты, в этих глазах больше, чем во всех наших книгах...

Здесь, на Молдаванке, на Прохоровской улице, человек жил всю свою жизнь в темном как склеп и мрачном, как освещенный морг, полуподвале. Когда улицей громыхал трамвай, разгоняясь на ее прямой линии, звенела посуда в комоды и расплескивалась запасенная в ведре вода (не было воды в этом подвале и туалета тоже не было). Бесу пришлось поднять, кроме крыши, еще и два этажа старого дома, чтобы раскрыть этот мрачный склеп, чтобы это увидеть... Он был простой труженик, и его обманули. Он работал честно и много, ему обещали дать квартиру в хорошем и новом районе, с балконами и лоджиями, пронизанными чистым воздухом с моря, и он терпеливо много лет подряд работал и ждал... А квартиру дали другому, приехавшему из села, из области, и имевшему родственника у власти... И он снова ждал терпеливо... и снова... А потом изменилась и вовсе власть, и ему сказали, это был плохой старый режим, но мы, новые и правильные, тебе ничего не должны, а то, что ты половину столетия отработал за станком среди ветоши и опилок, пропитанных машинным маслом, так ты работал на коммунистов, вот у них и проси. А он был болен годы перед смертью, ему нужен был чистый воздух и хорошая еда, но и пенсию ему дали копейечную, только на воду и хлеб. На плохую и неочищенную воду, а на чистую ему не хватило денег. Взяли обманом жизнь и посмеялись над дураком!

Но такое никому не проходит бесследно, и сгущаются над... ночные тени, а ждать уже осталось чуть-чуть!

Ворюги, забравшиеся в дом на Нежинской, пользуются "особым ключом — отмычки нынче вышли из моды". И вообще, вышло из моды вот так мелочиться. Вон к светящимся окнам элитного ночного клуба на Александровском проспекте бесшумно подкатывают одна за другой мощные машины, каждая в цену еды для всего городского квартала, и выходят из

них спокойные люди, не опасющиеся никаких альгвасилов, но, наоборот, они, альгвасилы, приданы теперь им охраной. Эти новые люди знают секреты нового воровства, когда, никуда не забираясь с устаревшей отмычкой, можно обокрасть сразу весь город... страну... и не только глупых этих горожан, но и всех тех заодно, кто у них еще не родился...

А насчет всяких обманов и хитростей, мужчин и женщин, это мы ведь сами с собой играем в прятки. И есть люди, мужчины и женщины, которые любят играть в это, называемое ими любовью, понимая под этим соитие и общий антураж, до и после, недолгий, и им полезны эти игры, они наполняют их пустую жизнь и прогоняют, пусть ненадолго, страх смерти. И есть, которым эта игра смертельно опасна. Они платят за всех. Но правда здесь в том, что все задумано это, любовная эта смешная механика, вовсе не ради первых, которые здесь как рыбы в воде, но только чтобы помучить и вразумить вторых. Только мучительные потери в этой любви ведут к настоящей, и только любовная драма из своей пошлости рождает высокое напряжение поэзии.

В этой игре много званных, ради немногих избранных!

Но вот голоса тихой радости. Мать уложила в кроватку ребенка, чистенького после вечернего умывания, в пахнущие чистотой простыни, рядом лежат любимые игрушки, и мама рассказывает в тишине ночи сказку. Так тихо все вокруг, так спокойно, так радостно малышу от маминой руки, от ее голоса, и он просит ее не уходить, насильно раскрывает слипающиеся свои глазки, просит еще посидеть рядом и рассказывать. Мама, поцеловав в последний раз головку заснувшего малыша, вышла на кухню заварить себе чай, она сидит за кухонным столом, помешивает ложечкой чай... и улыбается. Так, ни от чего... Это и есть самое счастливое ее время жизни, эти короткие минуты. Ради которых и вопреки всему стоит жить и стоит начинать новую жизнь!

Есть Ангелы смерти, порученцы, специалисты похоронного дела, но есть и Ангелы жизни — у этой детской кроватки, если прислушаться к дыханию спящего ребенка, можно уловить шелестение их бережно сложенных крыльев...

Вот молодые любовники, это они впервые так вместе, в любовном объятии, еще не известные друг другу, жаждущие и боящиеся, как все сложится, еще позирующие друг перед другом, играя словами, как заклинаниями... В обычных этих словах после состоявшегося... они произносят слова молитвы, вечной и непреходящей, слова надежды. Тихая ночь, и в ее тишине смех и поцелуй...

А здесь, в этой квартире, под самой крышей старого дома на Пастера, долго и опасно болел человек, и все в доме были испуганы его болезнью, он был основой их семьи и кормильцем, он на плечах своих многие годы держал этот дом, и вот заболел... А сегодня он уже сам встал и ел не в постели, как все прошедшие месяцы, но за столом, на своем привычном месте у стола, сам, и сам же прошел к старому дедовскому креслу и сел в нем отдохнуть... И все в доме этом полны счастья, чуть отпустило наболевшее сердце. Они сидят вокруг него в комнате и тихо беседуют, впервые не о болезни, впервые спокойно. Все миновало...

Вечные далекие звезды живут вместе с нами, слушая наши голоса и нам отвечая. Здесь с высоты колокольни эти звезды почти что рядом, некоторые даже ниже нас, сидящих верхом на кресте. Их голоса не услышать мощным радарам и телескопам, обращенным в пустоту неба. Только сердце может услышать и передать надежду далекому другу, о котором ты беспокоишься... можно по такой звездной связи... от сердца к сердцу... и далекая, данная тебе в жизненный путь звезда, бережно перенесет сигнал тревоги и даст ответ, и ободрит далекого друга... Так рождаются Надежда и Вера и так питают они великое чувство Любви!

Эта тварь с косою и сумкой за плечами (продранная с виду старая сумка подобрана ею в мусорном баке Альтфатера, и держит она в ней рецепты хвори и болезней, там таблетки для кашля, там примочки от здорового сердца, там пилюли аритмии и головокружений...) старой и грязной бомжихой идет вдоль наших ночных улиц, отпугивая зловонием прохожих и чутко прислушиваясь к домам... собираясь войти здесь... но вот этот дом обойти, где слышен смех молодых любовников, где тихо спит счастливый малыш и снится ему мама...

Если тебе снится мама, спи спокойно, эта старая сука обойдет твой дом стороной. Но даже если твой дом ей по пути, и она прошла уже много кварталов, именно к вам в дом собравшись, все может изменить голос молодой матери, смеющийся смеху ребенка, все может изменить тихий шепот влюбленных в вашем доме. Это спасет и всех остальных домочадцев. Это единственное, с чем не может справиться Смерть.

Пишущий что-то в освещенном окне, это я сам, Мастер. Место это по правую руку от колокольни, в самом конце Спиридоновской улицы, при пересечении ее с Дегтярным рядом. За окном комнаты в темноте ночных улиц Города слышны пьяные крики и ругань, звон разбитых бутылок

и визгливые крики женщин, то ли о помощи, то ли от удовольствия, а у меня на столе горит свеча, лежит лист белоснежной в меру плотной бумаги, в руке моей гусиное перо и на голове колпак. А на глазах очки. Из летнего окна немного дует. Под тихий скрип пера ложатся на бумагу ровные линии бегущих строк, не успевающие за мыслью и чувством. Слева остается край нетронутой бумаги — полем, для маргиналий. Потому что будучи написан, этот текст становится мне чужим, незнакомым, и рука тянется записать слова несогласия на полях. Даже почерк этих пометок иной и отличен от почерка основного текста.

Начатое днем я не могу дописать и продолжить ночью. Оно станет иным... Лучшее следует начинать ночью — так рождены мы и так написаны были главные книги!

Светает, в моем Городе и в далеком Мадриде, с разницей в сотни лет времени и тысячи километров пути и с расхождением стрелок часов на одно деление. У нас утро наступает раньше. С крестов колокольни видно, как первый солнечный луч лизнул в выпуклую щеку главный купол Собора. Но еще до этого солнечный лучик появился на наших морских склонах, там, со стороны моря, ему проще... Ничто не заслоняет там ему дорогу... солнце, море и начала земли, склонами Отрады и Ланжерона и Фонтанов. Здесь первые солнечные лучи во всей дальшележащей Европе, здесь начинается европейский день, а Гринвич есть просто шоссе́нный столб на дорогах идущего дня...

"Но уже светает, и нам пора заканчивать обзор. На улицах появились первые приметы наступающего дня: лотки с водкой и закусками". Я полагаю, что в Мадриде сегодня все иначе, и нет таких утренних лотков с водкой. Значит, нам осталось подождать еще лет эдак с 360!

Мы терпеливый народ и времени у нас много...

